

Григорий Файман

Лубянка и Михаил Булгаков

генду», и похорон как бы уже и не было. Завтра жизнь поставит иные задачи, и другие люди будут им использованы так же целеустремленно и так же без всякой оглядки на их судьбы и интересы...

К слову, подаренные Булгакову 10 лет жизни — также «царский подарок». Нам же Булгаков (не Сталин) подарил свои поздние пьесы, «Мольера», «Записки покойника» и «Мастера и Маргариту»...

Еще одна деталь. На сопровождавшем письмо правительству обращении Булгакова в ОГПУ с просьбой о передаче письма от 28 марта, есть резолюция: «Надо завести на Булгакова дело-формуляр». Каждое ведомство занималось тем, чем ему было положено, а все вместе, в том числе и один из тысяч советских писателей, обязаны были служить дальнейшему укреплению власти единственного...

Но продолжим цитату из письма умного и умелого секретного сотрудника:

«Уже пошли анекдоты. Вчера, 24/V на премьеру «Три толстяка» в 1-ом МХАТе опять было много разговоров о письме Булгакова. Между прочим рассказывали еще об одном инциденте со Сталиным, очень похожем на анекдот.

Передавал это кто-то из артистов Худ.т. О. Леонидову.

Тов. Сталин был второй раз на «Отелло», сидел будто бы в ложе один. К нему подсел актер Подгорный и начал говорить, что он очень болен, что за границей хорошо лечат, там хорошие доктора, хорошо бы поехать за границу, но как это сделать.

Тов. Сталин хранил молчание. Подгорный почувствовал себя в неловком положении, думая, что Сталин обиделся. Тогда он стал говорить, что в сущности, конечно, и в

СССР есть хорошие доктора, лечебницы, что можно, конечно, полечиться и в СССР.

Тов. Сталин хранил молчание и не отвечал.

Тогда, уже в отчаянии, дрожащим голосом Подгорный опять переменял разговор.

— Вот вы, товарищ Сталин, кавказец, вы там долго жили на юге, не можете ли вы мне посоветовать, на какой курорт мне поехать?

Сталин внимательно посмотрел на Подгорного и, помолчав, вдруг отрывисто сказал:

— В Туруханский край! Подгорный, как ошпаренный, выскочил из ложи.

Все это очень похоже на анекдот. Но надо заметить, что говорят об этом, подчеркивая не грубость тов. Сталина, а бестактное поведение Подгорного.

Вообще чувствуется удивительное изменение т. называемого «общественного мнения» к тов. Сталину.

P.S. Никого из вождей вчера на премьеру не было. Все думали, что будет Литвинов и Сталин».

Жизнь все поставила на свои места.

В 1936 году состоялось снятие «Мольера», и заступников у Булгакова на этот раз не было. Лишний аргумент в пользу вышесказанного...

Придуманное Булгаковым разговоры со Сталиным своей тональностью ясно указывают на то, что верное понимание ситуации пришло к нему довольно быстро. Интересен в этом смысле и последний приводимый мною документ от 7 ноября 1936 года:

Михаил Булгаков. 5 февраля 1936 г.

«Разговор с Булгаковым (у себя дома 7 ноября).

— Я сейчас чиновник, которому дали ежемесячное жалование, пока еще не гонят с места (Большой театр), и надо этим довольствоваться. Пишу либретто для двух опер — историческое и из времен гражданской войны. Если опера выйдет хорошая — ее запретят негласно, если выйдет плохая — ее запретят открыто.

Мне все говорят о моих ошибках, и никто не говорит о главной из них: еще с 1929—30 года мне надо было бросить писать вообще. Я похож на человека, который лезет по намыленному столбу только для того, чтобы его стаскивали за штаны вниз для потехи почтен-

нейшей публики. Меня травят так, как никого и никогда не травили: и сверху, и снизу, и с боков. Ведь мне официально не запретили ни одной пьесы, а всегда в театре появляется какой-то человек, который вдруг советует пьесу снять, и ее сразу снимают. А для того, чтобы придать этому характер объективности, натравливают на меня подставных лиц.

В истории с «Мольером» одним из таких людей был Олеша, написавший в газете МХАТ ругню. Олеша, который находится в состоянии литературного маразма, напишет все, что угодно, лишь бы его считали советским писателем, поли-кормили и дали возможность еще лишний год скрывать свою творческую пустоту.

Для меня нет никаких событий, которые бы меня сейчас интересовали и волновали. Ну, был процесс — троцкисты, ну, еще будет — ведь я же не полноправный гражданин, чтобы иметь свое суждение. Я поднадзорный, у которого нет только конвойных. Что бы ни происходило в стране, результатом всего этого будет продолжение моей травмы.

Об испанских событиях читал всего три-четыре раза. Мадрид возьмут, и будет резня. И опять-таки, если бы я вдохновился этой темой и вздумал бы написать о ней — мне все равно бы этого не дали. Об Испании может писать только Афиногенов, любую халтуру которого будут прославлять и находить в ней идеологические высоты, а если бы я написал об Испании, то кругом закричали бы: Ага, Булгаков радуется, что фашисты победили.

Если бы мне кто-нибудь прямо сказал: Булгаков, не пиши больше ничего, а займись чем-нибудь другим, ну вспомни свою профессиональную доктору и лечи, а мы тебя оставим в покое, я был бы только благодарен.

А может быть, я дурак, и мне это уже сказали, и я только не понял».

Окончание.

Начало см. в «РМ» №4078.

74